

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Л. Г. БЫЗОВ

Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома

Феномен “нового русского консерватизма” детально описан Л. Бызовым в прошлом году. Последний год, прошедший в период подготовки данного материала, не принес принципиально нового в этом вопросе, но внес некоторые существенные штрихи в понимание того, как развиваются и будут развиваться основные трансформационные процессы в стране на фоне сохраняющегося “посткрымского синдрома” и углубляющегося социально-экономического кризиса. Хотя сам консервативный тренд и не изменил своего направления, он достиг или по крайней мере приблизился к тому пределу, где его движение начинает тормозиться абсолютно объективными факторами. Стрелка политического маятника, перейдя определенный рубеж, начала дергаться, подавать противоречивые сигналы, а политически возбужденное общественное мнение в ответ на эту противоречивость медленно, но верно “остывает”, возвращаясь к привычному кругу забот, далеких от идей “русского мира”, “духовных скреп” и “традиционных устоев”.

Ключевые слова: трансформация, кризис, консерватизм, либерализм, общественное мнение, ценности, установки.

Спираль консерватизма как основной ценностный тренд

Прошло уже достаточно времени с поворота нашей государственной пропагандистской машины и вслед за ней и общественного большинства к ценностям консерватизма, национал-патриотизма, причем в их радикальной и часто достаточно архаичной форме. Этот процесс был запущен в 2012 г. на фоне массовой, невиданной при нынешнем режиме протестной активности городского среднего класса, и многократно усилился после крымских и украинских событий в 2014 г. Феномен “нового русского консерватизма” детально описан мной в [Бызов 2015]. Прошедшее с тех пор время не принесло принципиально новых моментов, но внесло некоторые существенные штрихи, дающие ключ к пониманию того, как развиваются и будут развиваться основные трансформационные процессы в стране на фоне сохраняющегося “посткрымского синдрома” и углубляющегося социально-экономического кризиса.

Складывается впечатление, что хотя сам консервативный тренд и не изменил направления, но достиг или по крайней мере приблизился к тому пределу, где его движение начинает тормозиться абсолютно объективными факторами. Стрелка поли-

тического маятника, перейдя определенный рубеж, начала дергаться, подавать противоречивые сигналы, а политически возбужденное общественное мнение в ответ на эту противоречивость медленно, но верно “остывает”, возвращаясь к привычному кругу забот, далеких от идей “русского мира”, “духовных скреп” и “традиционных устоев”. Некоторые из уважаемых аналитиков (В. Соловей) даже ждут скорого и радикального разворота консервативного мейнстрима, другие полагают, что на это потребуются годы, но также видят его неизбежность (Л. Радзиховский). В основном приводятся исторические аналогии: фактическое поражение идеи “русского мира” в ходе российско-украинского конфликта (как и такие его аналоги, как Крымская война 1853–1855 гг., Русско-японская война 1903–1904 гг.) не может не дать толчок к более или менее последовательной либерализации режима и разочарованию общества в “актуальной консервативной государственности”. Впрочем, и аналогии имеют обыкновение хромать. Тем более, что в естественный ход событий вмешался экономический кризис, выход из которого представляется настолько проблематичным, что о нем стали говорить как о “новой реальности”, “кризисе навсегда”.

В этой связи И. Клямкин высказывает предположение, что прежняя маятниковая цикличность в нынешней России уже не будет проявляться, а обращение общественного мнения к ценностям националистического имперского консерватизма станет своего рода социокультурным кодом современной России и не претерпит изменений. Самовывживание сложившихся сегодня социокультурных форм «обеспечивается отказом от послепетровской гибридности, как таковой, т.е. таким вытравливанием элементов европейской культуры, какого не было даже при Сталине, пытавшегося эти элементы идеологически утилизировать. Под видом декларируемого утверждения “наших традиционных ценностей” происходит недекларируемый откат к гомогенности допетровской эпохи, и вопрос лишь в том, можно ли российский XXI век сделать подобием века XVII-го» (<https://www.facebook.com/>).

Однако Россия – расколота цивилизация, и когда тренд формируется на усугублении раскола, что мы имеем и сейчас, он оказывается неустойчивым, пусть и в долгой исторической перспективе. Именно в этом отношении никакой новизны нынешнего исторического тренда и не видно. Новизна состояла бы в формировании устойчивого синтеза нации, пусть на каких-то консервативных идеях. Есть глубочайший раскол на мифологическом уровне. Это факт. Но если посмотреть на более глубокие социологические характеристики “русских европейцев” и “самобытников”, различия в ценностях и образе жизни, то такой разницы не увидеть. Просто кто-то оказался захвачен навязываемой мифологией, кто-то – другой, альтернативной, мифологией, у кого-то (явного меньшинства) образовался некий иммунитет от мифологических картинок мира.

Кризис все сильнее влияет на настроения россиян, а “посткрымский синдром” стал понемногу “подтаивать”

Обратимся все же от истории к социологии. Первые “волны” мониторингового обследования ИС РАН¹ (дважды в год), равно как и результаты исследований иных служб общественного мнения, в 2014–2015 гг. ясно указывали на сформировавшуюся после событий начала 2014 г. социологическую аномалию, охарактеризованную мной как “посткрымский синдром”. Его характерными чертами стали консолидация общественного мнения вокруг Президента РФ (уровень доверия и одобрения доходил до 90%), перенос фокуса внимания с внутренних проблем страны на внешние угрозы и вызовы, массовая поддержка даже таких спорных акций правительства, как введение встречных контрсанкций, включая уничтожение “санкционных” продуктов, резкая поляризация в оценке событий между лояльным властям большинством и недовольным меньшинством, высокий уровень взаимной агрессии, тотальное доминирование

¹ Руководитель – М. Горшков, опрошено 6 тыс. человек по общероссийской выборке.

в массовом сознании оценок и суждений, формируемых пропагандистскими передачами по основным телеканалам. Одновременно наблюдался стремительный всплеск национал-патриотических настроений и ожиданий, так называемой “русской весны”, с главной идеей объединения вокруг современной России народов и земель, имевших когда-либо отношение к исторической Российской империи.

Даже первые волны острого экономического кризиса, резко снизившие жизненный уровень значительной части россиян еще осенью 2014 г., слабо влияли на “посткрымский синдром” и как бы определяли вторую реальность, почти не связанную с первой. Месяцы, прошедшие с последней “волны”, если и не изменили ситуацию кардинально, то наметили тренды, которые явно будут иметь развитие. “Посткрымский синдром”, хотя и не исчез полностью, но определенно стал размываться. В обществе все сильнее проявляются сомнения относительно верности курса, проводимого властями страны, а внимание россиян все в большей мере сосредоточивается на “новой экономической реальности” (по характеристике экономического состояния России Э. Набиуллиной), отличной от уже привычных острых, но кратковременных экономических кризисов тем, что “не имеет конца”, по крайней мере, в близкой и среднесрочной перспективе. Почти 70% опрошенных отметили ухудшение состояния экономики страны за последний год и лишь 19% видят “свет в конце туннеля”, тогда как более 48% ожидают дальнейшего ухудшения. Кризис болезненно сказался не только на бедных слоях населения, но и на среднем классе, вынужденном отказываться от многих, ставших уже привычными атрибутов потребления, – качественного образования, медицины, проведения досуга и летнего отдыха.

Что же касается общественно-политической проблематики, то просматривается восстановление умеренно негативных трендов, отмечавшихся в 2012–2014 гг.: общее разочарование и усталость общества, потеря ориентиров, наряду со страхом в отношении возможных перемен, отсутствию людей и идей, способных эти перемены воплотить. Действительно, если социалистические идеи оказались во многом дискредитированными практикой СССР, западнические идеи – практикой первых постсоветских лет (так называемыми “лихими 90-ми”), то сейчас в определенной степени происходит процесс аналогичной дискредитации комплекса национал-патриотических идей и идеалов, ибо и общество, и государство в минувшие два года не смогли реализовать практически ничего из ожиданий “русской весны”, а регионы, которых “русская весна” коснулась (Крым, Донбасс, Приднестровье), столкнулись с проблемами, решения которых пока не видно или они достаточно затруднительны. Страна вместо ожидаемого наращивания мощи и авторитета в мире (“нас бьют, а мы крепчаем”) оказалась в положении мирового изгоя, изоляция больно бьет и по российской экономике, и по науке и культуре, лишая молодые поколения россиян перспектив на достойную реализацию своего человеческого потенциала. Жизнь стала и беднее, и опаснее. “Новая реальность” все больше напоминает “старую”, правда, если не учитывать материальные и моральные потери, понесенные за минувшие два года, – потери, которых вполне можно было избежать или, по крайней мере, минимизировать.

О том, насколько изменилась оценка произошедших перемен за два года, свидетельствует сравнение ответов на вопрос “Как вы оцениваете перемены, произошедшие в России за последний год?”, данные в 2014 и 2016 гг. Если вариант “произошли значительные перемены к лучшему” в 2014 г. выбрали 9,8%, то в 2016 г. – 3,9%, а вариант “произошли некоторые перемены к лучшему” в 2014 г. имел 34,7% сторонников, то в 2016 г. – 15,4%. При этом ответ “произошли некоторые перемены к худшему” в 2016 г. выбрали 44,2% (в 2014 г. – 33,0%), а “произошли значительные перемены к худшему” в 2016 г. собрал 25,1% (в 2014 г. – 10,3%). Лишь 12,3% в 2014 г. не заметили никаких перемен, в 2016 г. таковых было 11,4% (подробнее см. <http://www.kommersant.ru/doc/2912047>).

С оценкой нынешней ситуации в стране согласуется оценка перемен, произошедших в ней за последний год. В конце 2015 г. наблюдался небольшой всплеск оптимизма (перемены к лучшему отметили 26% россиян), связанный с определенной стабили-

защитой социально-экономической ситуации в стране. Однако стабилизация оказалась временной, очередное негативное изменение курса валют и последовавший за ним рост цен привели к новому сдвигу в оценках населением достижений общества. Хотя какие-то перемены к лучшему отметили менее пятой доли населения России, в то время как 69% зафиксировали перемены к худшему. Ухудшение оценки перемен, произошедших в стране за прошедший год, – результат неоправдавшихся надежд на ослабление кризисных явлений.

Относительный пессимизм в оценках настоящего и прошлого страны, однако, несколько уравнивают оценки населением перспектив развития России в ближайший год. Так, в марте 2015 г. их негативно воспринимали 59% населения, а в марте 2016 г. – уже только 49%. Правда, уменьшение негативных оценок произошло не вследствие роста позитивных настроений, а за счет довольно неопределенной позиции – “ничего не изменится”. Тем не менее уменьшение однозначно негативных оценок перспектив развития России свидетельствует о том, что население не отчаивается и продолжает верить в лучшее будущее. Патриотическое перевозбуждение общества, возникшее весной 2014 г., – то ли “русская весна”, то ли “крымская аномалия”, – породили массу ожиданий, но национальный подъем оказался во многом иллюзорным и стал сначала совсем понемногу, а потом все быстрее развеиваться. Увеличивается число тех (хотя все равно в рамках меньшинства), кто даже в присоединении Крыма видит больше негативных последствий. А действия в Донбассе и Сирии воспринимаются еще более критично.

Как видно из двух следующих таблиц 1 и 2, где приводятся данные об отношении к наиболее значимым событиям 2014–2016 гг., доля тех, кто скорее видит больше негативных последствий от присоединения Крыма, выросла с 8,5 до 28,4%. Оценка последствий для России событий на востоке Украины (ДНР, ЛНР) как негативных выросла до 50%, а участия нашей страны в военной операции в Сирии составила около 40%. Если на момент введения контрсанкций против стран Запада (осень 2014 г.) эту акцию поддержали около 60% опрошенных россиян, то ныне это соотношение составляет 36 к 38%.

Если два года назад “внешние угрозы” воспринимались на фоне посткрымской эйфории как малозначимые, а жесткая реакция на них российского руководства имела повсеместную поддержку, то в настоящее время былое единодушие начинает спадать и фрагментироваться. Так, если в начале 2014 г. воссоединение Крыма с Россией приветствовали 70% россиян, то весной 2016 г. их доля несколько уменьшилась (59%). Происходит и переосмысление действий России на юго-востоке Украины. Половина опрошенных считают, что участие российской стороны в урегулировании ситуации в этом регионе не принесли пользы нашей стране, и лишь треть с этим не соглашается (33%). Особенно много тех, кто критически настроены по отношению к присоединению Крыма, среди молодежи (57%; 30% поддерживают эту акцию), а также высокообразованной части общества (50 к 35%). По сути, хотя большинство остается за сторонниками политики властей, оно уже не представляет собой монолит; общественное мнение сегодня реально расколото. Учитывая то обстоятельство, что оппозирующая часть общества принадлежит к так называемому “креативному классу”, имеющему значительно большие информационные и коммуникационные ресурсы, эту группу вполне можно по своему влиянию увеличить в полтора раза. Как и прогнозировали многие эксперты, действие медиапропаганды начинает постепенно ослабевать, хотя по-прежнему продолжает оказывать влияние на оценку ситуации значительной частью россиян.

Весьма неоднозначные оценки характерны в отношении действий России в Сирии и ее конфликта с Турцией. Так, около 40% против 38% видят больше негатива в участии России в операции в Сирии, а 31% против 43% считают неадекватными действия нашей стороны в отношении Турции в ответ на сбитый российский бомбардировщик. В качестве имеющих однозначно негативные последствия расцениваются снижение мировых цен на нефть (83% против 8%), снижение курса рубля по отношению к доллару и евро (90% против 4%).

Отношение к событиям последнего года
(2014 г., в %)

События	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Нет однозначного отношения к этому событию
Воссоединение Крыма с Россией	77,4	8,5	14,2
Участие российских добровольцев в вооруженном конфликте на востоке Украины	38,8	35,6	25,6
Самопровозглашение на территории Украины Донецкой и Луганской народных республик	50,0	17,4	32,6
Введение западными странами экономических и политических санкций против России	10,8	71,7	17,5
Ответные санкции России. Запрет на поставки продуктов в Россию из США, стран Евросоюза	59,6	25,0	15,4

Отношение к некоторым важным событиям последних лет
(2016 г., в %)

События	Это событие повлияло на жизнь страны в лучшую сторону	Это событие повлияло на жизнь страны в худшую сторону	Это событие никак не повлияло на жизнь страны
Воссоединение Крыма с Россией	59,0	28,4	12,7
Действия российского руководства по урегулированию ситуации на Юго-Востоке Украины (Донбасс, Луганск)	33,0	49,8	17,2
Участие России в бомбардировках объектов запрещенной в России террористической организации ИГИЛ в Сирии	38,0	39,6	22,4
Реакция российского руководства на действия турецких военно-воздушных сил, сбивших российский самолет	43,2	31,1	25,7
Запрет депутатам и крупным чиновникам владеть счетами и собственностью за рубежом	54,8	8,5	36,7
Снижение цен на нефть	7,9	82,9	9,2
Снижение курса рубля по отношению к доллару и евро	3,8	90,2	6,1
Экономические и политические санкции, введенные против России странами Запада	16,9	65,1	18,0
Ответные санкции, введенные Россией против европейских стран и США	36,7	38,3	25,1
Активизация участия Русской православной церкви в политической и общественной жизни	33,6	13,3	53,1

На этом фоне достаточно неярко воспринимаются попытки активизации участия РПЦ в политической и общественной жизни страны (34% видят больше плюсов, 13% – больше минусов при 53% затруднившихся дать оценку). При традиционно высоком авторитете РПЦ в нашем обществе, интерпретируя эти показатели, очевидно, стоит иметь в виду, что скандалы вокруг руководства РПЦ и известных клириков, имевшие место в последние годы, чрезмерная их увлеченность “делами мирскими” в ущерб “вечным”, многочисленные эпатажные заявления и действия также не проходят для общества бесследно и незаметно. Налицо если не растущее раздражение позицией РПЦ, то по крайней мере – значительное отчуждение, особенно характерное для наиболее образованной части россиян.

Налицо и раскол общества в отношении тех целей и идей, которые будут (должны быть) востребованы в ближней и средней перспективе. Несмотря на “левизну” большей части российского электората, популярность социалистических идей и социалистической практики образца позднего СССР, не оправдываются ожидания и тех “левых” политиков и публицистов, которые полагали, что “русская весна” в Крыму и Донбассе может привести к переменам в стране в социалистическом направлении, стать началом “антиолигархической” революции в России, а непризнанные ДНР и ЛНР станут своего рода реторкой для апробации левых идей на современном этапе развития. Хотя власти предприняли ряд популярных шагов в этом направлении, таких, например, как запрет депутатам и государственным чиновникам иметь счета и недвижимость за рубежом (55% против 8% россиян одобряют эти меры), к заметным политическим последствиям это пока не привело. Идеи реформирования экономики (С. Глазьев и др.) в направлении усиления государственного контроля за экономическими процессами пользуются поддержкой лишь у некоторой части российского политического истеблишмента, в то время как в “борьбе идей” на верхнем уровне скорее одерживают победу неолибералы, контролирующие финансово-экономический блок правительства и пользующиеся расположением и доверием президента страны.

Все эти противоречия говорят о том, что власти страны не имеют стратегии преодоления последствий кризиса, действуют скорее ситуативно, в большей степени заботясь о балансировании групп влияния и интересов, чем о долгосрочных перспективах. Видимо, такая неопределенность повлияла и на то, что за два последних года на 14,5% снизилось число тех, кто считает, что страна идет в правильном направлении (с 75 до 60%), и выросла доля считающих, что страна идет в тупик (с 24 до 38%). И это еще только начало: ведь власть в России уже использовала, и далеко не всегда рационально, все свои возможные козыри. А это означает, что оппозиция в стране от пресловутых 10–12% расширила свое пространство маневра почти до 40%. Среди тех, кто считает, что страна идет в тупик, 34% составляют россияне с западническими, либеральными убеждениями – только треть! – и, следовательно, в правильности пути нашей страны сомневаются не только и даже не столько либералы, но и представители иных идейных направлений.

Коснулись перемены и рейтинга В. Путина. Если его количественные показатели практически не упали (небольшое снижение с 90 до 86%), то качество поддержки значительно ухудшилось. В 2016 г. лишь немногим более половины сторонников Путина поддерживают его безусловно (47%), а 39% – лишь отчасти, поскольку не видят ему какой-либо альтернативы. Как показывает анализ, ядро поддержки Путина – консерваторы, как радикальные (30,5% среди тех, кто полностью поддерживают), так и умеренные (57,8%). Напротив, либералы в этой группе составляют менее 12%. А вот среди не поддерживающих Путина доля либералов уже составляет около 28%. Все эти подвижки вряд ли смогут сказаться на итогах президентских выборов 2018 г.: Путин победит на них с большим запасом прочности. Однако следует учитывать и то, что почти половина россиян в той или иной форме ищут ему альтернативу, которая рано или поздно обязательно появится. Как отмечает политолог А. Сытин, “примерно 12% людей устойчивы к пропаганде и имеют независимое собственное мнение.

Нагнетаемая атмосфера страха, тревоги и дезориентированности постепенно начинает вызывать отторжение. Около 70–80% считают, что верить нельзя никому. В целом с 78 до 41% снизилось доверие к телевидению, растет понимание несоответствия реальной жизни и TV-картинки. Таким образом, есть основания полагать, что информационный ресурс Путина начинает истощаться» [Сытин]. Внимание общества все в большей степени переключается на безрадостные реалии экономического кризиса, а интерес к внешнеполитическим событиям, мобилизующим поддержку президента, постепенно отходит на второй план.

В качестве главных угроз начинают восприниматься падение уровня жизни, безработица, кризис социальной сферы. Процесс этот пока еще в самом начале. До сих пор 57% опрошенных продолжают считать, что основные угрозы для России, в том числе и экономические, исходят из-за рубежа. Пусть данная цифра на 5% ниже, чем была в 2014 г., но все равно это очень много. Сам кризис, согласно этой точке зрения, инспирирован США и Евросоюзом, которые то ли завидуют России, то ли ее опасаются.

Угрозы на фоне кризиса

Итак, угрозы из-за рубежа... 28% опрошенных считают вполне реальным военный конфликт с кем-то из ближайших соседей России и еще 49% полагают, что это хоть и малореально, но возможно. Подобная точка зрения представляется вполне имеющей право на жизнь, так как совпадает с мнением многих экспертов. Тем более, что с одним из таких соседей – Украиной – война уже ведется, пусть и “гибридная”. Спонтанная, не всегда продуманная внешняя политика, характерная для последних двух лет, уже что называется “на ровном месте” привела к испорченным отношениям с Турцией и едва не спровоцировала реальный вооруженный конфликт. Высокое должностное лицо – секретарь Совбеза Н. Патрушев – в нашумевшей статье в “Российской газете” говорит как о реальной возможности о военном конфликте с НАТО и вводе российских вооруженных сил в государства Прибалтики... Бывший премьер С. Степашин заявляет, что если бы не членство Турции в НАТО, “Стамбул был бы нашим”, еще дальше пошел кинорежиссер К. Шахназаров, предложивший “шарахнуть по Стамбулу атомной бомбой”.

Стоит ли удивляться, что угроза новой “большой войны”, более чем актуальная в первые два послевоенных десятилетия, вплоть до брежневского “детанта”, и потом надолго отступившая, сегодня снова актуализировалась. Выросло несколько поколений, не помнящих войну. О войне стали судить по гламурным фильмам, книгам, компьютерным играм. В результате в нынешней России появилось немало желающих поговорить о войне как о чем-то реальном и в какой-то мере привлекательном. Как показал опрос, россияне не исключают даже войну с Западом (13% считают ее вполне реальной и 36% – возможной), чему также не стоит удивляться, учитывая развернувшуюся в СМИ беспрецедентную по накалу кампанию, направленную против стран Запада и их военного потенциала.

Реальностью в глазах россиян остаются межэтнические и межконфессиональные конфликты (для 15% они вполне реальны, а для 45% – возможны). И наконец, снова обрела черты реальности угроза социальной революции, взрыва (соответственно, 11 и 36%). О неизбежности революции неоднократно заявлял М. Ходорковский, правда, подчеркивая свою надежду на ее мирный характер. Все это – отражение того, что в стране неспокойно. Общая нервозность, подкрепляемая экономической дестабилизацией, проявляется в не всегда адекватных действиях и заявлениях властей и, что еще хуже, в разлитой взаимной агрессией, атмосфере ненависти и страха, подпитываемой постоянными разговорами о “национал-предателях”, “пятой колонне”, “либерастах” – и встречных обвинениях и ярлыках. К этому добавляется “горючая масса” недовольных поражением “русского мира” на Востоке Украины и готовых перенести свои планы и чаяния уже внутрь самой России...

В условиях кризиса растет число десоциализированных и деклассированных людей, для которых социальные потрясения дают шанс на самореализацию и жизненный успех. Понятно, что все это может в любой момент выйти из под контроля и полыхнуть. На подобном фоне в меньшей степени занимают умы людей такие перспективы, как диктатура и массовые репрессии, распад страны, раскол элит и дворцовый переворот. Но значительное число экспертов не исключают и таких вариантов развития событий. Например, по мнению эксперта Московского Центра Карнеги Д. Волкова, “длительные проблемы в экономике могут поколебать уверенность элит в способности руководства удерживать ситуацию под контролем и снизить возможности власти покупать лояльность элит” [Волков 2015].

Что же касается распада России на несколько самостоятельных государств, то и эта экстремальная перспектива сегодня если чем-то и обусловлена, то скорее не этническими конфликтами, как в 1990-е гг., а низкой эффективностью государственного управления, антимодернизационной политикой правящих группировок, их изоляционистским курсом. Угроза массовых репрессий и диктатуры кажется весьма значимой для “либерального меньшинства”, тогда как консервативное большинство по этому поводу большого беспокойства не только не испытывает, но и готово при случае оказать им поддержку. Утрата суверенитета, внешнее управление Россией со стороны Запада – эти угрозы постоянно обсуждаются и служат обоснованием для давления на оппозицию.

Вот первая “пятерка” событий и процессов, которые больше всего занимают умы россиян: рост цен на товары и услуги (81%), кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей (57%), снижение уровня жизни значительной части населения (48%), сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению (38%), безработица (31%). Как видно, здесь нет ни Сирии, ни Донбасса, ни конфронтации с Западом или с Турцией. Следует отметить и то, что свои экономические неурядицы российские граждане мало связывают с политическими факторами – особенностями политической системы, избирательными процессами, свободой слова, демократическими факторами. Поэтому несмотря на стремительный рост недовольства, даже отчаяния, маловероятно, что все это выльется в массовые протестные настроения – общество не выработало ни альтернативной идеологии, ни альтернативных институтов, способных представлять его интересы, не появилось ни новых политических сил, ни новых перспективных лидеров. Оппозиция по-прежнему вызывает негативные чувства даже у недовольных, доведенных до отчаяния людей.

Сложно пока ответить на вопрос, будет ли нынешний кризис способствовать пробуждению в россиянах гражданского поведения и образа мыслей. Напомню в этой связи, что почти два года назад, в начале осени 2014 г., внимание и тревоги россиян были практически всецело поглощены проблемами отношений с Западом, Украиной, Крымом и Донбассом, даже начавшийся обвал цен на нефть “сильно тревожил” всего 9% опрошенных, а о снижении уровня жизни в массовом порядке вообще не шла речь, хотя уже были введены антироссийские санкции и готовились встречные контрсанкции. Высокий процент колеблющихся свидетельствует о том, что у многих россиян нет отчетливого видения будущего России. Особенно в составе тех групп населения, у которых собственные перспективы на будущее не вполне очевидны. Не случайно оценка россиянами реальности тех или иных событий четко коррелирует с самооценкой ими собственного материального положения. Например, революцию и гражданскую войну в России считают вероятной 6–7% хорошо обеспеченных респондентов и в 2,5 раза больше полагающих так среди тех, кто оценивают свой уровень жизни со знаком минус. И так происходит практически по всем позициям.

Как становилось все более ясным в течение минувшего 2015 г., развивающийся в стране кризис все в большей степени приобретал черты системного, далеко выходящего за пределы экономики как таковой. Он во многом стал кризисом той модели государства и политической системы, которая формировалась последние десятиле-

тия, кризисом ценностей и идей. Можно предположить, что по мере развития ситуации в стране, будет происходить значительная перекомпоновка общественных сил, выход на поверхность общественной и политической жизни новых групп и субъектов, вокруг которых начнет складываться новая социально-политическая реальность. Сегодня этот процесс еще в самом начале, не появилось ни новых лидеров, ни новых идей, ни новых политических проектов. Однако все это неизбежно начнет меняться.

Ценностное сегментирование россиян. Консерваторы против либералов

В анкете четвертой волны мониторинга ИС РАН были заданы четыре вопроса, дающие представление о мировоззренческом сегменте, к которому принадлежали опрошиваемые респонденты. По совокупности ответов на них была построена шкала “консерватизм – либерализм”. К последовательным консерваторам были отнесены те, кто на все четыре вопроса дали “консервативные” ответы, к умеренным консерваторам – кто дал в большинстве “консервативные” ответы, к умеренным либералам – те, кто дал в большинстве “либеральные” ответы, и к последовательным либералам – те, кто на все четыре вопроса ответили как “либералы”. То же самое касается промежуточных значений шкалы.

Но перед тем, как перейти собственно к шкале, отмечу следующее: базовые ценности, которые стоят за данными формулировками вопросов, носят в целом чрезвычайно устойчивый характер. Меняется страна, объявляются и завершаются войны, разворачиваются экономические кризисы, а система ценностей, раскалывающая общество, как сформировалась во второй половине 1990-х гг., так с небольшими видоизменениями, продолжает существовать и по сей день. Грубо говоря, две трети россиян постоянно отвечают как консерваторы (национал-патриоты, левые патриоты) и треть – как либералы (сторонники европейского выбора). Присоединение Крыма и сопутствующие ему события увеличили численность консерваторов до 75–80%, и, соответственно, на столько же уменьшили численность либералов. Новое исследование опять зафиксировало небольшое снижение численности консерваторов – в пределах 3–4,5%, что, впрочем, ненамного превышает среднестатистическую погрешность выборки.

Так в чем же тогда состоит “консервативная волна”? Как это было показано мной еще на примере предыдущих исследовательских волн, дело не в общей численности сегментов, а в соотношении “радикалов” и “умеренных” в каждом из них. “Крымский синдром” резко повысил уровень радикализма в консервативном сегменте (впрочем, аналогичные процессы происходили и в либеральном сегменте). Колеблющиеся “центристы”, ранее составлявшие большинство, способное оттереть радикалов на периферию спектра, сами “заразились” болезнью радикализма, в результате влияние “центра” ослабло, и общество оказалось перед лицом глубокого ценностного раскола. Как же обстоят дела сегодня?

Чтобы выяснить это, респондентам было предложено в каждой из четырех пар названных ниже суждений выбрать то, что в наибольшей степени соответствует его представлениям о будущем России. Причем можно было дать только один ответ в каждой паре суждений. Рассмотрим результаты этого опроса.

I. Первое суждение. Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности.

Второе суждение. В России демократия не приживается. Страна нуждается в твердой единоличной власти, способной обеспечить порядок, единство страны и ее суверенитет.

Здесь были получены такие ответы: 30,2% – безусловно согласны с первым суждением; 32,6% – скорее согласны с первым суждением; 25,4% – скорее согласны со

вторым суждением; 11,4% – безусловно согласны со вторым суждением; 0,5% – не ответили.

II. Первое суждение. Россия нуждается в возрождении русских национальных традиций, моральных и религиозных ценностей.

Второе суждение. Россия должна двигаться вперед, к современной экономике и образу жизни, такому как в Европе.

В данном случае 32,8% – безусловно согласны с первым суждением; 33,3% – скорее согласны с первым суждением; 23,0% – скорее согласны со вторым суждением; 1,4% – безусловно согласны со вторым суждением, а 0,6% не ответили.

III. Первое суждение. Россия должна стремиться, в первую очередь, к созданию русского национального государства.

Второе суждение. Россия должна быть державой, объединяющей разные народы.

Среди выбиравших между этими суждениями 15,8% безусловно согласны с первым суждением; 21,4% скорее согласны с первым суждением; 36,7% скорее согласны со вторым суждением; 25,6% безусловно согласны со вторым суждением; не ответили – 0,5%.

IV. Первое суждение. Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на политические процессы в мире.

Второе суждение. Россия должна заботиться о благосостоянии собственных граждан, а не стремиться к укреплению державной мощи.

В данном случае 28,7% безусловно согласны с первым суждением; 25,5% скорее согласны с первым суждением; 28,2% скорее согласны со вторым суждением; 17,1% безусловно согласны со вторым суждением; не ответили 0,5%.

Вот искомый вид построенной на основе этих данных шкалы. Доля последовательных консерваторов составляет около 27%, умеренных – 57%, умеренных либералов – 12%, последовательных либералов – между 4 и 5%. Общее соотношение консерваторов и либералов составляет 83% против 16%. Но, как следует из этих расчетов, умеренные с обоих флангов вместе составляют 68–69%, а радикалы с обоих флангов – 32%. Таким образом, видно, что умеренные, колеблющиеся консерваторы сегодня составляют в обществе абсолютное большинство. Однако не эта группа сегодня является (пока является!) ядром поддержки политического режима и его лидера Путина. По мнению политолога В. Пастухова, «в качестве доминирующей, на место коммунистической идеологии пришло нечто, что я определил бы как “черносотенную идею”. Ее не надо путать с имперской идеей, хотя есть много людей, готовых выдать свои черносотенные взгляды за имперские» [Пастухов 2015].

Чтобы развить данный сюжет, используем еще одну шкалу – уровень протестности, недовольства политическим курсом и лидером страны. Эта шкала также представляет собой комбинацию двух вопросов анкеты – о правильности пути, которым идет страна, и об отношении к Путину. Посмотрим средние значения шкалы протестности в группах консерваторов и либералов. Наиболее лояльна группа радикальных консерваторов (уровень протестности – 2,8), далее идут группы умеренных консерваторов – 2,91, радикальных либералов – 3,35; и, наконец, группа умеренных либералов – 3,47 (значение показателя для всех опрошенных – 2,96). Если в период до 2012 г. главной опорой режима были умеренные (системные) либералы, то после 2012 г., и в особенности после 2014 г. именно эта группа оказалась наиболее недовольной, а опорой режима стали радикальные консерваторы. “Разгромом лояльного институционализма” назвал этот процесс А. Морозов. По его мнению, “на российской политической сцене произошли радикальные изменения: для лояльных институционалистов на ней нет места” [Морозов 2014].

Ну и напоследок, посмотрим уровень протестных настроений в ведущих социально-демографических группах. Распределение по возрастам говорит о том, что наиболее высокий потенциал недовольства сосредоточен в группе 51–60 лет (3,15). Это также группа со средним специальным образованием (3,01), наравне с наиболее обра-

зованной частью общества, имеющей звания кандидатов и докторов наук (3,06), плохо материально обеспеченные граждане (3,44), жители крупных городов с населением от 250 до 500 тыс. человек (3,21). Как видно, собирательный портрет современного недовольного далеко не совпадает с привычным представлением о протестанте-либерале, жителя мегаполиса, состоятельного и креативного человека. Недовольство уходит в глубь общества и страны, но оттуда оно почти не слышно. Лишь городской креативный класс обладает информационными ресурсами для трансляции своих мнений и настроений, его протесты слышны и видны.

“Новая реальность”: причины и перспективы

Попытаемся подвести некоторые предварительные итоги российской общественно-политической аномалии последних лет, предопределившей переход страны в “новую реальность”. Как будет показано ниже, она во многих своих чертах воспроизводит тренды, которые фиксировались до 2014 г. – постепенно нарастающее недовольство властью, не переходящее, однако, в остро протестные настроения; преобладание страхов и угроз социального плана над чисто политическими; атомизация общества, его замыкание в частных проблемах, не важно, связанных с целями достижения или выживания. Наконец, явные попытки властей выстроить какое-то подобие нового баланса, в котором могут найти себе место представители разных элитных групп – от русских патриотов, имперцев и националистов, до либеральных экономистов, правда, лично лояльных главе государства.

Попытки “партии ястребов” навязать стране однозначно мобилизационный полувойенный сценарий (экономическая сторона представлена С. Глазьевым) пока буксует, несмотря на постоянные разговоры о неизбежности войны. Власть скорее не заинтересована в дальнейшем ухудшении отношений с Западом и настойчиво ищет каких-то путей к хотя бы частичному восстановлению взаимодействия. И это находит определенный отклик в общественном мнении. Как следует из данных Левада-Центра, «у граждан России все-таки намечаются первые признаки роста позитивного отношения к США и Европе. Например, респонденты теперь опять охотнее признают Запад местом с лучшим уровнем жизни. К Америке “в основном плохо” и “очень плохо” относятся 64%, “в основном хорошо” и “очень хорошо” – 25%, каждый десятый (11%) затруднился с ответом на этот вопрос. Похожие показатели и по Европе. Но тенденция эта, однако, медленно, но верно начинает идти на спад. На самом деле показатели неодобрения переваливали в свое время и за 80%» [Власть... 2016].

По мнению известного блогера Н. Подосокорского, не слишком вероятен и переход к массовым репрессиям, как бы ни жаждало их “консервативное большинство”. «Массовые репрессии сегодня невозможны не потому, что нет ресурса для их осуществления, а потому что они пока что не нужны – власть и без них держит все под контролем. Все сигналы Кремля говорят только об одном: сидите тихо и смиренно, и что бы с вами ни делали – не визжите, но, главное, не объединяйтесь и не сопротивляйтесь... При этом все происходящее многими воспринимается не более чем компьютерная игра или эпизод какой-нибудь “Игры престолов»» (<http://philologist.livejournal.com/8443381.html>).

Несмотря на крайнюю милитаризацию массового сознания на уровне парадных лозунгов, как считает Клямкин, милитаризации повседневности пока не происходит. “Милитаризация повседневности – это когда жизненный уклад даже в мирной жизни выстраивается по военному образцу. Когда управление государством и обществом уподобляется управлению армией. Когда размыты границы между войной и миром, между приказом и законом. Пики такой милитаризации – времена Петра Первого и Сталина. В другие периоды она ослаблялась, расширялись возможности жить частной жизнью и ее ценностями, но инерция милитаризации в политике и культуре всегда сохранялась. И сегодня сохраняется, хотя милитаризации повседневности как таковой и не наблюдается» [Клямкин 2016]. Точнее, добавлю, наблюдается на игровом

уровне – вроде того же популярного лозунга “можем повторить”. Но сами эти “повтористы”, особенно молодежь, отнюдь не рвутся всерьез ни воевать, ни умирать ни за какие идеи и идеалы.

Аналогично наблюдается постепенное свертывание комплекса идей, связанных с “русской весной” и “русским миром”. Странники ДНР и ЛНР уже открыто выражают свое недовольство Москвой, так как «вынуждены расплачиваться за замороженную в решающий момент “русскую весну»», а Москва отмалчивается – не то что бы свернула проект, но будто отодвинула его в сторону. Официальная риторика, связанная с “русским миром”, заметно потеряла в зажигаемости и все больше объективируется. “Русский мир” – объективная реальность, по словам С. Лаврова, однако реальность есть, идеи в обществе витают, но что с ними делать – не понятно, причем не понятно прежде всего самой власти.

Оказалось, что искомый “русский мир”, как и сама Россия, – политически и идеологически расколот. И объединить его в рамках какого-то политического проекта оказалось невозможным. Как отметил 14 мая 2016 г. известный политик националистической ориентации К. Крылов в ходе дискуссии, организованной интернет-изданием “Свободная пресса”, «результаты нельзя назвать утешительными. Мы видим, что надежды большей части людей, пришедших на тот референдум, не сбылись. А именно, Донецк и Луганск не стали частью России... Мало того, даже та государственность, которая там сейчас имеется, может быть “отменена” или уничтожена». Более того, слишком “инициативные” герои “русской весны” стали восприниматься российской властью как опасность. Как пишет А. Баунов, «Россия 2014–2015 годов – это Россия независимых героев в камуфляже, которые в глазах многих простых людей выгодно отличаются от чиновников в костюмах и галстуках хотя бы тем, что решаются говорить вслух то, что не позволяют себе представители власти (эти вечно мямлят)... Сепаратист – человек, по определению не подчиняющийся власти, автономный, неформальный. Со всем этим “инициатива в обмен на поддержку”» (<http://carnegie.ru/commentary/2016/04/20/ru-63354/ixbi>).

А самое главное – выяснилось то, что было хорошо понятно еще два года назад: национальный подъем, вызванный конфликтом с Украиной вокруг Крыма и Донбасса, оказался во многом эфемерным, не приведшим к реальному объединению русских вокруг каких-то конструктивных целей развития. Он не помог преодолеть глубокого взаимного отчуждения, всенарастающей агрессии, разлитой в обществе. Все больше становится тех, причем чаще представителей интеллектуальных и бизнес-элит, кому трудно найти себе в стране достойное место. Вообще попытка объединить “русский мир” в какой-то политический проект из раза в раз доказывает свою утопичность.

Политически “русский мир” как раз и является утопией, или, по меткому выражению Л. Гумилева, химерой. Химеры всегда возникают (и не только под влиянием ценностно-агрессивного меньшинства, “малого народа”, как ошибочно полагал Гумилев), когда что-то не получается у общества – построить собственную нацию, провести модернизацию, жить в передовых странах, – и нужно объяснить себе, почему не получилось. Такой химерой сто лет назад стала идеология военного коммунизма – как результат срыва модернизационных процессов, захлебнувшихся в военных реалиях 1914–1917 гг.

Объяснения, по традиции, ищутся в ментальности, духовности, культурном коде. У нас мало что получается? Так нам и не надо, мы иные, у нас свой, особый духовный и культурный код. Однако, разумеется, все это плохо согласуется с тем, чем люди живут и как себя ведут. По мнению социолога И. Эйдмана, «власти создали квазирелигиозный гибрид из официального православия и новых гражданских патриотических культов. Прежде всего, это культ победы, включающий в себя поклонение воевавшим предкам. Коммунисты стремились обратить в свою “веру” все человечество. Новая российская гражданская религия национально ограничена и не предусматривает возможности превращения враждебных иностранных “козлиц” в правозверных “овец”. В рамках этой картины мира противостояние с “врагами” может закончиться только

фатальным поражением одной из сторон, как это было в канонизированном 1945 году» (<http://www.dw.com/ru/a-19256744?maca=ru-Facebook-sharing>).

Часть химерической конструкции – не подтвержденная социологией приписываемая россиянам якобы особая склонность к бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”. Данные опросов свидетельствуют, что по сравнению с другими странами, находящимися на схожем уровне экономического и политического развития, Россия скорее соответствует норме, чем представляет собой исключение. “Наиболее дефицитным для России, как и для большинства других постсоциалистических стран, является ценностный класс Роста, сочетающий приверженность социальным ценностям Заботы (альтруизма, толерантности, равенства и справедливости) и индивидуалистическим ценностям Открытости (самостоятельности, смелости и стремления к новизне). Этот класс с трудом описывается в терминах привычных оппозиций индивидуального-коллективного или материального-духовного, но именно он отличает население продвинутых европейских стран” [Магун, Руднев, Шмидт 2015, с.].

Само понятие “химера” в данном случае означает наличие заведомо ложных представлений нации о себе самой, о других нациях и цивилизациях, а также мобилизацию общественного мнения вокруг этих ложных представлений. Чуть более четырех лет назад в Институте социологии РАН был завершен проект “Русская мечта”, в ходе которого наши респонденты назвали базовыми цивилизационными характеристиками “русского мира” следующие: православие, сильную централизованность, имперскую внешнюю политику, духовность в противовес меркантильности [О чем мечтают... 2013]. Существенно, что эти четыре императива мыслились именно как “мечта”, то есть то, чего не хватает, о чем тоскуют в повседневности. Но у мечты есть еще и свойство необязательности: мало кто готов сражаться за нее до конца, тем более умереть. Одно дело, если за химерическими словами стоят те, кому нечего терять, как, например, дезертировавшие с фронта солдаты в 1917-м, и другое дело, когда их воспринимают современные россияне, дорожащие продовольственной корзиной, считающие льготы и прибавки, знающие что-где-почем. Для них мечта – факультатив, если хотите, театральная поза.

И здесь количество сторонников “мечты” мало о чем говорит: пусть, согласно нашим опросам, ценности “русского мира” в их радикальном прочтении дороги и милы около трети населения страны, то есть большому числу россиян. Но степень преданности им, последовательность их воплощения в жизнь собственными силами остается крайне умеренной, если не сказать декларативной. Повороты к “русскости”, сопровождающиеся, как правило, политическими “заморозками”, в нашей истории случались с завидной периодичностью. Из не самого давнего прошлого можно вспомнить и последнее десятилетие царствования Николая I, и “победоносцевскую реакцию” после царевубийства 1 марта 1881 г., ну и, конечно, послевоенные годы XX века, вплоть до оттепели.

Занятная особенность: комплекс представлений, связанных с понятием “русской идеи”, в России постоянно готов к актуализации – такова на самом деле наша “объективная реальность”. Но как этот комплекс сыграет в конкретный момент, зависит не от его содержательности или характеристик (он всегда довольно-таки размыт), а от воспринимающей стороны – социально-экономического и социально-психологического состояния населения. Иными словами, “русская идея” всякий раз проверяет здравый смысл, присущий русскому (и российскому многонациональному) народу, на прочность.

Неоконсерватизм как альтернатива радикальному консерватизму

На протяжении последних полутора десятилетий мы отслеживаем ценностную эволюцию российского общества, и именно в это время был выявлен феномен “неоконсервативной волны” в настроениях соотечественников. Тогда еще мало кто ве-

рил, что она окажется такой масштабной, однако время подтвердило наши прогнозы: вплоть до рубежа 2011–2012 гг. “неоконсерватизм” был в центре российской политической жизни.

Что это за явление? Лучше всего оно описывается по контрасту с консерватизмом архаическим – родственником и побратимом “русской идеи”. Скажем, неоконсерваторы настаивают на самостоятельности экономики и освобождении ее от госрегулирования, а консерваторы, напротив, отводят экономике роль служанки более высоких сфер – религии, морали, политики. Неоконсерваторы так или иначе дружат с правом и согласны, что оно выражает некие универсальные формы социальных взаимоотношений, гарантирующие стабильность. Консерваторы уверены, что юридические порядки должны иметь “национальный” характер и могут меняться по необходимости, нарушая эту самую стабильность... И так далее, и тому подобное.

Собственно, неоконсерватизм – это и есть требование стабильного порядка, которое успело поднадоесть нам в 2000-е гг. Однако с сегодняшних позиций и это требование, и возникший вокруг него компромисс умеренных государственников либеральной ориентации и таких же умеренных государственников-патриотов воспринимается уже как очень большое достижение той эпохи. Именно оно стало залогом и способом преодоления вечного раскола на “белых” и “красных”, “своих” и “чужих”, собственного российского политической системе. Неоконсерватизм – идеология “новых средних”, он заставлял власть придерживаться некоей разумной середины: и радикальные левые, и радикальные либералы, и радикальные консерваторы публиковались в определенных изданиях и выступали на некоторых площадках, но оставались персонами *non grata*, “городскими сумасшедшими”, которых можно слушать, однако не обязательно воспринимать всерьез. Но на рубеже 2011–2012 гг. свершилась тихая революция: равновесие было нарушено, компромисс оказался под угрозой. Власть допустила усиление позиций и присутствия в публичной сфере радикалов-консерваторов, пожалованных членством в различных “изборских клубах” и переставших считаться “безумцами”. Это вызвало далеко идущие процессы в элитах – умеренные либералы почувствовали себя обиженными, средний класс оказался в растерянности, идеологический раскол вновь стал ощутим. В этот момент и замаячила опять “русская идея”, предвещающая стране очередные годы странствий в погоне за миражом.

Однако, замечу, раскол пока не привел к разлому – он встречает некое здоровое сопротивление среды. И кто же сейчас сопротивляется радикальным консерваторам, если сторонников европейского выбора, либерализма в стране менее 10%? Похоже, консерваторам сопротивляются как раз неоконсерваторы – тот специфический слой “умеренных и средних”, сформировавшийся в России в 2000-е гг. Он достаточно обширен и пока еще силен, ему есть что терять, и он не слишком мечтателен. Это нетипичная для России социальная реальность, с которой власти приходится считаться, объективируя тему “русского мира” и оставляя шанс для новой перегруппировки элиты – повторной стабилизации страны.

А что же “русский мир”? Да пусть он существует как раздражающий или вдохновляющий фактор, главное – чтобы вне сферы политики. Правильнее всего считать его культурным явлением – сложным, не теряющим диктата и располагающим к диалогу. При таком подходе наша “мечта” еще может стать национальным достоянием. Сегодня же единственным реализуемым сценарием является возвращение страны на путь инерционного развития – без внешнеполитических “загогулин” и агрессивной конфронтации внутри самой страны. Как показали два последних года, современная Россия не терпит волюнтаристских решений, которые, по каким мотивам они бы ни принимались и какие бы ура-патриотические чувства ни вызывали, фактически отбрасывают и без того медленное, инерционное, развитие назад и создают проблем на много больше, чем решают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бызов Л. Г. (2015) Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 26–40.
- Власть меняет курс в сторону Запада (2016) // *Независимая газета*. 7 апреля.
- Волков Д. (2015) Настроения российских элит после Крыма (<http://carnegie.ru/2015/11/10/gu-61925/ildv>).
- Клямкин И. (2016) Исторические маршруты государства-армии // *Независимая газета*. 26 апреля.
- Магун В., Руднев М., Шмидт П. (2015) Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 74–93.
- Морозов А. (2014) Что происходит с Кремлем? (http://gefter.ru/archive/12799?_utl_t=fb).
- О чем мечтают россияне: идеал и реальность (2013). Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир.
- Пастухов В. (2015) Синдром измененного сознания. Русская служба ВВС. 5 мая (http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/05/150505_blog_pastoukhov_syndrome_changed_consciousness?SThisFB).
- Сытин А. Путин в зеркале русского общественного мнения (<http://hvylya.net/analytics/society/putin-v-zerkale-russkogo-obshhestvennogo-mneniya.html>).

Transformational Processes of the Russian Companies on the Background of Socio-political Crisis and postkrymsky Syndrome

L. BYZOV*

***Byzov Leontiy** – candidat of economic sciences, senior researcher of the Institute of Sociology RAS. Address: 24/35 Krzhizhanovsky st. Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: isras@isras.ru

Abstract

The phenomenon of “new Russian conservatism” is described in detail by L. Byzov in the last year with the preparation of this material, has not brought many entirely new in this issue but made some vital touches to the understanding of how to develop and will develop the basic transformation processes in the country against the backdrop of the continuing “postkrymsky syndrome” and the growing socio-economic crisis. Although the conservative trend and has not changed his direction, he reached or at least come close to the limit where its motion begins to decelerate absolutely objective factors. Arrow of the political pendulum, clicking a certain point, began to twitch, to give conflicting signals, and politically excited the public mind, in response to this inconsistency, slowly but surely “getting cold”, going back to the usual range of worries, far from the ideas of “Russian world”, “spiritual braces” and “traditional values”.

Keywords: transformation, crisis, conservatism, liberalism, public opinion, values, settings.

REFERENCES

- Byzov L.G. (2015) Konservativniy trend v sovremenom rossiyskom obschestve – istoki, sodержanie i perspektivi [The Conservative Trend in Contemporary Russian Society – Origins, Content and Prospects]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 26–40.
- Klyamkin I. (2016) Istoricheskie marshruti gosudarstva-armii [Historical Routes of States Army]. *Nezavisimaya gazeta*, 26 апреля.

Magun V., Rudnev M., Shmidt P. (2015) Evropeyskaya cennostnaya tipologiya i bazovye cennosti rossiyan [The European Typology of Values and Basic Values of Russians]. *Vestnik obschestvennogo mneniya*, no. 3–4, pp. 74–93.

Morozov A. (2014) *Chto proishodit s Kremlem?* [What Is Happening with the Kremlin?]. (http://gefter.ru/archive/12799?_utl_t=fb).

O chem mechtayut rossiyanе: ideal i realnost' (2013). Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, N. E. Tihonovoy. [What Russians Dream: the Ideal and the Reality. Ed. by M. Gorshkov, R. Krumm, N. Tikhonova]. Moscow: Ves' Mir.

Pastuhov V. (2015) *Sindrom izmenennogo soznaniya* [The Syndrome of Altered Consciousness] Russkaya sluzhba BBC. 5 maya. (http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/05/150505_blog_pastoukhov_syndrome_changed_consciousness?SThisFB).

Sytin A. *Putin v zerkale russkogo obschestvennogo mneniya* [Putin in Mirror of Russian Public Opinion]. (<http://hvylya.net/analytics/society/putin-v-zerkale-russkogo-obschestvennogo-mneniya.html>).

Vlast menyaet kurs v storonu Zapada (2016) [Power Changed Course towards the West]. *Nezavisimaya gazeta*, 7 aprelya.

Volkov D. (2015) *Nastroeniya rossiyskih elit posle Krimea* [The Mood after the Russian Elite of Crimea]. (<http://carnegie.ru/2015/11/10/ru-61925/ildv>).

© Л. Бызов, 2016